

Сергей
Саканский

НАБЛЮДАТЕЛИ

Роман

Сергей Юрьевич Саканский

Наблюдатели

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8952677

Аннотация

Это история мужа и жены, которые живут в атмосфере взаимной ненависти и тайных измен, с переменным успехом создавая друг другу иллюзию семейного благополучия. В то же время – это история чуждого, инопланетного разума, который, внедряясь в сознание людей, ведет на Земле свои изыскания, то симпатизируя человеческой расе, то ненавидя ее.

Пожилой профессор, человек еще советской закалки, решается на криминал. Он не знает, что партнером по бизнесу стал любовник его жены, сам же неожиданно увлекается сестрой этого странного человека... Все тайное рано или поздно становится явным: привычный мир рушится, и кому-то начинает казаться, что убийство – единственный путь к решению всех проблем.

Книга написана в конце девяностых, о девяностых она и рассказывает. Вы увидите реалии тех лет от первого лица, отраженные не с позиций современности, а по горячим следам. То было время растерянности, когда людям месяцами не выплачивали зарплату, интернет был доступен далеко не

каждому, информация хранилась на трехдюймовых дискетах, а мобильные телефоны носили только самые успешные люди.

Содержание

Часть первая. Эротические игры смертных	7
1	7
2	12
3	13
4	14
5	19
6	21
7	24
8	25
9	27
10	28
11	29
12	31
13	33
14	35
15	38
16	39
17	41
18	42
19	43
20	47
21	49
22	51

23	54
24	58
25	59
26	62
27	64
28	65
29	66
30	67
31	68
32	69
33	71
34	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Сергей Саканский

Наблюдатели

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая. Эротические игры смертных

1

...крова мне, наверное, не понять уже никогда. Но не хочу больше думать об этом постылом и мучительном му... Впо-ру бы биться головой о стену, выть, причитая – вплоть до вчерашнего дня, а теперь...

Весна. Первые пробы ее пера. В старом моем стихотворе-нии была такая метафора, если бы он еще мне память не от-шиб...

Он же ведь мне память отшиб, ты!

Поэт моего склада не терпит никаких листочков, он все держит в уме, он купается в стихах, своих и чужих, как в теплом ласковом море.

А если я теперь – *больше ничего не смогу?*

Не только вспомнить старое – нового написать...

Зачем тогда была вся эта жизнь, тридцать пять лет надежд и лишений? Годы чистого времени, проведенные с книгой в руках, чтобы познать и перевернуть всю мировую литерату-ру? В то время, когда все просто жили, веселились, ходили на танцы, наслаждались музыкой, penisом, шоколадом...

А ты избил меня ногами, сделал мне сотрясение мозга, ты мне всю память отшиб, ты мне всю душу отшиб, ты всё во мне отшиб, ты!

Белая обезьяна...

Не хочу даже и думать о Микрове, но он все лезет и лезет – со своими ручищами, со своим немытым членом, мой постылый, мучительный муж, десять лет моей жизни я отдала тебе, десять лет из жизни вылетело, скотина, а ведь я могла быть поэтом, и неплохим, я могла прожить огромную, удивительную жизнь, я могла...

Уютные литературные вечера. Белые, розовые, голубые гостиньки. Путешествия. Скромная подпись в черновике: девятое марта 1998 года, Париж или Чикаго... Новые русские носят тебя на руках...

И старые русские тоже.

Он думает, что я простила его. Вчера, когда мы собирались в гости к Меньшиковым, он смотрел, как тщательно я наряжаюсь, шутил, а я позволила ему нарисовать мои губы, как в прежние времена, и он понятия не имел, что у меня на уме, и думал, что я простила его...

Три месяца прошло с тех пор, как ты избил меня – время лучший лекарь, господин Вольтер – будем жить, как жили, раз в месяц в гости ходить, а вообще, я буду вязать по выходным, протянув ноги к фальшкамину, ты будешь наливать пивом у телевизора, ворчать на рекламу, высмеивать политиков и звезд, которых ты ногтя не стоишь...

Нелюбимая жена нелюбимого мужа.

Шлюха, развратная женщина.

Десять лет я была ему патологически верна, стирала его носки, сранки его, подтирала его блевотину. И лишь только вчера, да, лишь в первый раз вчера...

Какая сладость...

Какой удивительный подарок на праздник... А ты думал, что я говорю о твоем подарочке, о твоей жалкой вещице, на которую ты денежки с Нового Года копил, нищий ты мой, жалкий...

А ты измучил меня своей ревностью, невинную, ты растоптал и опозорил мое прошлое, выпытал и высмеял всех моих мужчин, которым ты, между прочим, и в подметки не годишься, животное.

Ну что ж! Вот я и приняла решение. Вот я его и исполнила.

Коль ты меня считаешь блядью, так я ей и буду. Вчера ты водил карандашом помады по моим губам, что, кстати, уже ничуть меня не возбуждало, я смотрела в зеркало и думала: сегодня же отдамся первому встречному, как принцесса из сказки. Не знаю... Почему-то именно в тот момент созрела мысль. О первом встречном, который – откуда он может взяться? Не знаю... Наверное, это было предчувствие, горячий глоток будущего, как крамбамбули, новогодняя жженка, когда стоишь по колено в снегу...

И мы пошли. Госпожа Меньшикова была великолепна.

Господин Меньшиков припадал к дамским пальчикам. На столе стояли фрукты – груши, персики, виноград – я протянула руку, попыталась отодрать ягоду – пластмассовую или гипсовую – и все засмеялись, поскольку каждый тоже попался в эту дурацкую ловушку для гостей.

Убожество, какое же убожество – твои ученые друзья.

И был среди них Жан. Нас представили, и мы посмотрели друг другу в глаза, и сразу – *Да!* – сказала я себе, то самое – звездное – *Да,* – которое женщина говорит либо с самого первого взгляда, либо не говорит никогда, и только чуткие мужчины, истинные самцы, настоящие певцы твоего счастья, способны увидеть в твоих глазах этот тяжелый тайный свет.

Никто не танцевал, не пел, разумеется, не играл в буриме или в города – все только и делали, что говорили о политике, вернее, спорили, насколько тот или иной политик – козел или говнюк, вор или антисемит... Жан наступил мне на ногу под столом. Я невзначай опустила руку, и он пожал ее. Потом я, быстро посмотрев Жану в глаза, вышла в прихожую, «попудрить носик», а он вышел за мной.

Такие минуты помнятся всю жизнь, именно они – основа жизни, высокие столбы, на которые жизнь надета и между которыми она провисает, словно электрическая проволока. Высоковольтная...

Просторная прихожая сталинского дома Меньшиковых. Длинный коридор и высокий потолок. Где-то в зеленых су-

мерках висят валенки и санки... Жан молча привлекает меня к себе и с жадностью, будто мы давние любовники, встретившиеся после долгой разлуки, целует в губы, в язык... Повинуясь внезапному наитию, он распахивает какую-то дверь и с силой вталкивает меня туда. Щелкает задвижка, и все происходит немедленно, и мы не говорим друг другу ни слова, кроме галантного мужского – «Можно?» и влажного женского – «Да!»...

Как это было сладко...

2

Может быть, люди – это какие-то непостижимые сущности, которые находятся где-то на небесах, а здесь, в глубокой темной низине, слепо движутся их отражения, их безмозглые куклы? Сгустки кровавой мясной материи, управляемые на расстоянии с помощью зрения, осязания... Бессмысленные стада прямоходящих животных... Слизистых таких, потных, вонючих... А мы – где-то там, наверху, и все, что происходит здесь – лишь тайное средство нашего общения...

3

Иногда я ненавижу людей. Иногда мне людей жалко.

Эта мучительная, изматывающая борьба между духом и телом, которая начинается с детского рукоблудия, затем раздирает всю жизнь человека, ведет его к болезням, к преждевременной смерти, трансформируясь в широкомасштабный смертный бой, если целые народы оказываются вовлеченными в решение философских проблем, – разве все это не достойно жалости, сострадания, и вместе с тем – возмущения, переходящего в саркастическую усмешку ненависти?

4

А ведь я маленькой была девочкой, я в садик ходила, играла в дочки-матери, мечтала о единственном и прекрасном кавалере и принце на белом коне... Я октябренок, я пионером и комсомольцем была...

Зимы были таким морозными, снежными, а лета – таким жаркими и сухими. И листья были такими крупными и зелеными...

Стихи я начала писать в четыре года, а может быть, и раньше, просто, именно только с четырех лет я по-настоящему помню свою жизнь.

Помню, в шестидесятые годы было модным смотреть в глаза друг другу, если ты *влюбленный*.

Я маленькой была. Мы жили в Марьиной роще, там тогда были деревянные дома, и кое-где сохранились колонки, из которых было так вкусно пить ледяную воду. Я была с подругой, не помню, как ее звали. Нет, вспомнила: это была Марфа, милая красивая девочка с редким именем...

Марфа, моя дорогая, где ты сейчас?

Вдруг мы увидели *влюбленных*, они стояли в глухом местечке за сараями и заборами, замерев, как неживые, и смотрели друг другу в глаза. Мы спрятались в лопухах и следили за ними – когда же они начнут целоваться. Но они сделали гораздо больше, чем целоваться, они вдруг *все сделали*

– на наших изумленных глазах. Потом, когда я сама стала это делать, я все время мечтала тоже сделать это стоя, но никто еще, ни разу... Вплоть до прошлого воскресенья, когда в мою жизнь стремительно, словно смерч, ворвался – Жан.

Уже неделю я живу в этом новом облике, я чувствую будто большой гладкий камень в паху, словно бы это сама его сперма там затвердела, как древний трилобит.

Тогда мы курили на кухне потом. Мы молча стояли, курили и смотрели друг другу в глаза потом, как те *влюбленные* в шестидесятых.

Я вдруг поняла, что не знаю его имени: когда нас представили два часа тому назад, я машинально отметила, как он красив и свеж, и машинально отметила, как странно его имя, что-то легкое, журчащее, французское...

– Поль, – вертелось у меня на языке.

– Жан! – услышала я голос мужа в дверях.

И Микров вошел, меня как обожгло: я впервые встрети-лась с ним глазами после того, как это произошло.

– Что за странное имя, простите? – нетактично поинтере-совался он от нечего сказать.

– Это мамка меня, – широко и дружески улыбнулся Жан. – В честь Жан Поля Бельмондо.

Милый мой мальчик, наивный, совсем еще ребенок...

Микров покурил с нами, поболтал, побалагурил с Жаном. Я положила голову мужу на плечо.

– Впервые в жизни я получаю такой удивительный пода-

рок на Восьмое марта, – сказала я, глядя Жану в глаза.

– Спасибо, дорогая, – смущенно отозвался Микров, – я как-то совершенно случайно, интуитивно выбрал эту вещь.

– А что вы ей подарили, если не секрет? – поинтересовался Жан.

– Секрет, – сказал Микров с особой важностью. – Вообще, я не очень люблю данный праздник, потому что наши скромные мужские подарки, – он энергично двинул ладонью в сторону Жана, надеясь найти в нем понимание, – олицетворяют извечное человеческое лицемерие. Целый год женщина моет посуду, стирает, и только в этот день, видите ли... Чтобы назавтра опять... Согласитесь, этот праздник просто унижает женщину.

– Ну, это как сказать, – сказал Жан, улыбаясь мне. – А если все это искренне, от души?

Микров ничего не ответил – принялся разминать вторую сигарету... Микров не верит в существование души.

Жалкий ты человек, профессор Микров, доморощенный философ. Чуть не оцарапал меня своими рогами...

А как ты блял когда-то, как гордился своими учеными степенями, когда двигал перед собой, как бульдозер кучу – свою ученую карьеру. И все лопнуло теперь, ничего от тебя не осталось, ты ничтожество, ты фук, ты ничто. И теперь такой парень, как Жан, стал неизмеримо выше тебя, и ты прыгаешь, маленький, едва доставая до его яиц.

Ибо во всем виновато твое пьянство, господин профессор.

И если раньше ты, высокомерный, как баклажан, и пальца бы не протянул какому-то Жану, то теперь ты подпрыгивал и лебезил, нюхая яйца, которые пахли мной, и балагурил, шутил глупо, и шуткам твоим никто даже не улыбнулся.

Да, ты очень похож на тухлый баклажан в очках, профессор Микров. В очках, в шляпе, со старомодным кожаным портфелем. Жалкий гнилой баклажан, который на базаре продают смуглокожие торговки, которые за день зарабатывают больше, чем ты за месяц.

И мы переглядывались с Жаном, на кухне, при Микрове... И я посматривала на Жана исподлобья, грызя ноготь большого пальца, а это – моя привычка, и она, я знаю: нравится мужчинам...

Странно, но мы, кажется, вообще еще не сказали друг другу более тех двух слов, того мужского и того женского... Все было как во сне. Я представить себе не могла, что только полчаса назад мы неистово бились в тесном пространстве между двух стен, и внизу журчала вода, и я клюнула его в плечо, укусила, и на его рубашке до сих пор видны следы моих зубов, а там, под рубашкой, я думаю, тоже мои зубы – синие...

Вот и сбылась самая изысканная сексуальная фантазия моей жизни. И твоя извращенная мечта, Микров, сбылась.

Вот я и шлюха, наконец, что и требовалось доказать. Блядь...

Если рассуждать по-твоему, что, дескать, *вы нас делаете*, то вот еще одно доказательство микровской теории: десять лет ты меня делал-делал, вот и сделал в конце концов.

Знакомьтесь, шлюха!

Она трахается в туалетах, стоя, эта шлюха, эта блядь. И журчит вода, словно весенний ручей. И сладко ей, ой, бля, как ей сладко...

Впрочем, ты старомодный муж, Микров. Когда ты зате-вал процесс моего создания, шлюха шла со знаком минус, теперь же, когда процесс закончен, она идет со знаком плюс – putana, проститутка. Хорошая, нужная, престижная профессия. А ты в говне весь, вместе со всем твоим поколением.

Прощай, пуританский век. Здравствуй, век путанский. Здравствуй, племя младое, незнакомое... Нет, наоборот: очень хорошо знакомое племя – *здравствуй!*

5

Странный какой-то сон: снится чуждый, совершенно незнакомый мир, это даже и не другая планета, а что-то, что-то...

Что-то ужасное...

Я иду, вроде бы по городу, и город кажется уютным, приветливым: я вижу узкую прямую улицу, одноэтажные дома с плоскими крышами, их двери выходят прямо на улицу без закутков, потому что здесь тепло – сразу за тонкой дверью гостиная или спальня...

Но что-то не так...

Я чувствую нарастающее волнение, близоруко шурюсь – то, что я вижу, перестает мне нравиться, я вдруг понимаю, *что* кажется мне тревожным, а именно: не то, что есть, *а то, чего нет...*

Я не вижу под ногами земли...

Растения на этой улице выходят не из земли, а стоят в огромных горшках, и они похожи на искусственные, фальшивые растения, такие, которые сейчас модно ставить в офисах... Я срываю лист, темно-зеленый в крапинку, крупный такой лист и – точно вижу, что он неживой.

Это не улица, а коридор, и вокруг не здания, а стены квартир, и над головой не небо, а потолок, и под ногами не тротуар, а пол, но это само по себе не страшно – страшно дру-

20е...

Мне страшен мой собственный страх, именно то, что я испугалась чего-то совсем нестрашного... И, кажется, есть ответ: причина, по которой я этого испугалась, именно она представляет суть моего страха.

Я вхожу в одну из комнат, минуя какие-то темные коридоры, кладовые и кухни, выхожу с другой стороны, как мне сначала кажется – на улицу...

Но это не улица...

Передо мной опять коридор, но только более широкий, над головой все тот же мертвенно бледный потолок, который и светит здесь, словно сплошная лампа, а под ногами – пол...

Вот что здесь самое страшное, и теперь кажется, что я знала об этом всегда, но притворялась, что это не так – этот потолок и есть здешнее небо, этот пол и есть здешняя земля.

И в тот самый момент, как я понимаю это, окружающие люди – если это, конечно, люди – узнают меня...

Да, они узнают меня, и узнают, что я здесь – чужая.

Они идут за мной, я вижу их, высоких и худых, и они идут за мной по широкой улице – пятеро в ряд...

Их лица скрыты под капюшонами, а из под капюшонов, из черноты, желто блестят их маленькие глаза...

6

Никогда не забуду сон, который приснился мне в детстве, пророческий сон, определивший всю мою дальнейшую жизнь и судьбу.

Действие почему-то происходит в другом времени, я узнаю это время, благодаря своему невъебенному опыту кинозрителя – девятнадцатый год, голод, гражданская война...

В Оренбургской области упал метеорит, я срочно еду туда, с экспедицией из Москвы. Это – тело яйцеобразной формы, размером с мешок картошки, оно полое внутри, там кто-то есть, он стучит...

Мы долго едем на место, по бездорожью, сидя на каких-то скрипучих подводах...

В Оренбурге нас встречают представители местного ЧеКа. Мы вскрываем объект в их присутствии, внутри два бледнокожих полумертвых существа, чем-то похожих на кур, только без перьев, как будто – уже ощипанных кур, и еще – с необычайно длинными ногами...

О да! Это был пророческий сон.

Пожалуй, впервые тогда в моей жизни появились куры, пусть пока что их странный, неземной, искаженный облик...

Важно представить себе это время, голодный год, голодный город, и по его обгорелым дворам уже ползут зловещие слухи – *о курах...*

Темная злобная толпа собралась на главной площади, напротив здания ГубЧеКа. Люди хотят есть, они ждут выдачи кур.

Но кур больше нет.

Чекист в кожаной куртке, худой, мертвенно бледный человек, курящий ядреную тамбовскую махорку, коротко стучит обнаженным наганом по столу.

– *Курей не будя!* – кричит он, полностью соответствуя лексическому стилю тех лет, и мы, биологи и врачи, приехавшие из столицы, понимаем, что куры съедены, и съедены самими чекистами, которым наплевать на отечественную и мировую науку, которым все равно, что в их руках были живые инопланетяне, они жрать хотели, и съели вот...

И мы, столичные биологи, врачи, астрономы, копаемся в мусоре на заднем дворе управления ЧеКа, собираем их сырые косточки, понимая, что даже жалкие вываренные останки для науки бесценны...

Но вскоре выясняется, что и этого они нам не дадут, потому что *они* – никогда, ничего не дадут – *нам*...

Комиссары запоздало соображают, что сделали ошибку, и, дабы мы не смогли донести на них в центр, они решают нас расстрелять, а останки инопланетян уничтожить. И наши останки – тоже...

И вот, столичных ученых – биологов, астрономов, врачей и лингвистов – подводят всех вместе к сырой деревянной стене...

В такие моменты обычно просыпаешься. Вероятно, так оно и было, ибо я больше ничего не помню из того далекого сна. Странно вообще, что такой сон мог присниться человеку в его пионерском возрасте и во времена пионеров вообще...

Этот сон приснился мне в моем далеком детстве, в шестидесятые годы, а действие его происходило в девятнадцатом году... Как давно, как умопомрачительно давно все это вместе взятое было!

Ужасно быть женщиной. Она идет, маленькая, среди огромных, плечистых мужчин, и каждый может ее обидеть.

Она видит наглые взгляды, к ней пристают всякие грязные типы, ее окликают на улице из машин...

Так, наверное, чувствует себя в охотничьем заказнике какая-нибудь особо вкусная дичь.

Как если бы мужчина всегда имел при себе полный бумажник и нарочито тряс им на каждом углу.

Женщина всегда носит с собой свое золото, и ни в каком надежном банке его не скрыть.

8

В воскресенье впустую звонил телефон, Микров брал трубку, чертыхаясь, затем многозначительно потрясал пальцем:

– Молчат, любовнички! – привычно шипел он, и если бы ему пришло в голову хоть посмотреть на меня, то он бы не без удивления заметил, как заливает мое лицо алая краска вплоть до кончиков ушей, ибо – я чувствовала! – что это звонил именно он.

Вечером я сама взяла трубку на кухне и услышала, наконец, его голос. Он спросил, могу ли я выйти на минутку прямо сейчас.

Сердце мое забилося необычайно: я быстренько, встав на табуреточку над раковиной, подмылась и переодела трусики. Микрову я сказала, что опять хочу *сладенького*. Он ничего не заподозрил, ведь со мной так бывает: вдруг очень захочется *сладенького*, и я хожу из угла в угол, мучаюсь, деньги жалею или выйти в темноту боюсь, пока, наконец, не решусь и не выбегу до ближайшего ларька...

Жан ждал в машине на углу соседнего дома. Сначала я прошла мимо, оглядываясь, словно шпион. Потом вернулась и нырнула в его машину, как бы в первый раз, весной, в холодную воду... Через три минуты мы доехали до окраины Перовского парка, и Жан выключил мотор.

Мы сделали все быстро и жарко.

Стекла в машине запотели, и я провела ладонью по стеклу, намекая на *Титаник*. На обратном пути мы коротко и насыщено поговорили о фильме. Жану, как любому мужчине, понравились лишь те кадры, где тонет корабль. Мальчишки всегда остаются мальчишками. Я купила шоколадку.

– Ну, как, *сладенько* тебе было? – спросил Микров, глядя, как я, кончив свою трапезу, облизываю пальцы.

– *Сладенько*, – со значением сказала я. – Ох, как *сладенько!*

Микров терпеть не может сладкого, которое любят все нормальные люди, что еще больше делает его уродом.

А у Жана какие-то странные, добрые, какие-то оленьи глаза... Хочется писать стихи об этих глазах, об этом чудесном имени, за которым журчанье и Франция, жадная страсть и жажда самой жизни... Только не подымается рука, не время еще: стихи нужно выносить, под сердцем, словно ребенка...

О, ужас! Слово *ребенок* мне всегда словно острый нож...

Хочется вести дневник, как девушка – с засушенными цветами, строчками, размытыми каплями слез...

9

Я не люблю человечесьи глаза.

В них есть что-то колючее, напряженное.

Особый какой-то свет или цвет, что трудно выразить словами.

Другое дело – глаза животных, на них отдыхаешь, в них погружаешься – глубоко...

Правда, не у всякого человека – человечесьи глаза. Есть люди с коровьими, бычьими, паучьими глазами. Чаще всего встречаются глаза собачьи и лошадиные. Именно потому и происходит желанная подмена предмета: говорят, к примеру, что у кота или мерина человечесьи глаза, но это – очередная иллюзия.

Показательно, однако, и то, что истинно человечесьи глаза встречаются у людей не так уж часто и вовсе никогда не встречаются у животных.

10

Город, в котором пешеходы пропускают автомобили, а не наоборот, – чудовищный город, и люди здесь чудовищны – как те, что идут по улицам, так и те, что сидят в автомобилях. Этот город не страшно покинуть, без малейшего сожаления, навсегда.

Глаза... Я попросила у Жана фотографию, но он опасается, что ее найдет муж. Тогда я попросила, чтобы он дал мне только свои глаза, и он вырезал глаза из своей фотографии и дал мне. Этот крохотный кусочек картона я вставила в медальон и всегда ношу с собой.

У него удивительные глаза. Стоит мне только открыть медальон, как я дрожу и увлажняюсь, *сладенький ты мой*.

Мы встречаемся по воскресеньям, иногда – среди недели. Жан стоит с товаром на оптовке, пять дней в неделю, кроме среды и воскресенья, когда стоит его сестра. Я слишком хорошо представляю, каково это – *стоять*. Когда у профессора дела были вообще плохи, я вышла и *стояла*, и спасла семью от голода. Теперь Микров стал меньше пить, хоть и все равно пьет ужасно, потому что хоть что-то теперь зарабатывает.

А я стояла тогда. Я стояла и в дождь, и в холод, чтобы ты ел, кожистый мешок, наполнял себя, мешок этот, кусками твоих любимых овощей. И ты пил на мои деньги, пил и наслаждался своими вымышленными реальностями, пил и потел, пил и ссался, и раз даже обосрался, как маленький малыш.

Ты обвиняешь меня в том, что я не хотела детей, а я хотела детей – это ты не хотел детей, потому что у алкоголика не

может, не должно быть никаких детей.

А в парках уже сошел снег, и мы гуляем среди деревьев, с треском лопаются почки на ветру, и если долго смотреть, видно, как медленно, со скоростью минутной стрелки, распускаются листья.

Сегодня он любил меня глазами. Он спросил:

– Девочка моя (а я для него, скорее, тетушка), девочка, расскажи мне свои фантазии, и я их исполню, как верный джинн...

– Я хочу, чтоб ты любил меня глазами, – сказала я.

И он сделал это! Сначала я не могла понять, что происходит. Он сжал мои груди и ввел между ними свой горячий язык. Потом я почувствовала легкое прикосновение... Что-то необычайно нежное, неуловимое и мягкое, как пух или сама душа, притронулось к моим соскам...

У него такие длинные, такие мягкие, такие бархатные ресницы... Он завязал меня в узел и вывернул наизнанку, раскрыл мое лоно и коснулся своими ресницами моей горячей точки, моей Чечни...

Я сделала удивительное открытие. Оказывается, Жан вообще не любит женщин. С женщинами не о чем говорить, потому что они не умеют слушать. Надо же: и этой чертой характера Жан похож на меня! В детстве я играла только с мальчишками, сторонясь этих глупых, плаксивых, нежненьких де...

Иногда кажется, что у женщин вообще нет мозгов. В принципе, возможна такая трансцендентальная хохмическая теория, согласно которой мозг женщины физиологически отличается от мозга мужчины – на клеточном уровне, в невидимой глубине своей. Возможно, мозг женщины способен генерировать мысли лишь на мозге мужчины, как на некой матрице, тогда как собственные его способности весьма ограничены.

Внешне женщина производит впечатление мыслящего существа, она способна поддержать разговор на самые изысканные темы, но все это – лишь до тех пор, пока рядом находится мужчина. Стоит женщине остаться с себе подобными, как у них пойдет бесконечный разговор о тряпках, о тенях, о наслаждениях.

А когда она остается одна, о чем она думает? Мечтает, фантазирует, повторяет одно и то же слово, бубня, в лучшем случае – мысленно поет, считает. Порой она может обмозговать и решить какие-нибудь примитивные задачи, например, подобрать кулинарный рецепт или экономно постирать вещи. И вдруг – прорыв... В ее голову молниеносно врываются бурные, умные, феерические мысли... Онтологические конструкции о Боге, о Бытии, о Вселенной...

Это значит, что муж вернулся домой, или сосед этажом

выше через бетонные перекрытия дал ей попользоваться, наконец, своими мозгами.

Надо сходить к экстрасенсу, к экстрасенсу, к экстрасенсу...

О, моя радость, мое счастье, мой челнок, мой наркотик. А наркоманов лечат, лечат, лечат...

Как я люблю тебя. Я люблю, люблю тебя так, что теряю буквы...

О, эти десять с половиной недель сладости, любви и безумия. Я люблю его, как никого никогда в жизни не любила, не люила, не люла...

Ла-ла, ла-ла, ла-ла!

Каждую жилку на его шее, каждую черную крапинку небритой щеки...

Он любит меня. Так нежно, так страстно, так сильно он любит меня. Я у него в гостях, в его комнате, где всюду его вещи, его запах, и он скоро уезжает, на неделю в Турцию, челноком, за товаром, я не перенесу этой разлуки в любви.

Туда сюда, туда сюда – челноком.

Я стала такой говоруньей: целую его губы и прямо в губы жарко шепчу ему, как я люблю его. Я говорю часто-часто, бессвязно, я тороплюсь, потому что знаю, что через несколько минут уже ничего не смогу сказать, потому что начну кричать. А через час ему выходить, он должен быть одет с иголочки, бодр и энергичен, а пока времени нет, время остано-

лено, как в «Фаусте» Гете – любовь побеждает время...

Он месит меня. Я – тесто. Я хочу растечься под ним, тонким слоем покрыть его кожу, залезть ему в уши и глаза. Я хочу жить внутри него.

Он крутит меня. Я играю в покорную куклу, мне нравится эта игра, я – кукла Суок. Он берет меня за лодыжку и вскидывает мою ногу себе на плечо, и я ласкаю ступней его ухо. Я растянута, как веревка в немислимом шпагате, мне больно, но я наслаждаюсь болью. Вдруг он ставит меня на колени и неожиданно с силой вводит в другую... Он хочет проверить, выдержу ли я эту боль, это наслаждение, и я плачу, шепча, спасибо, спасибо, любимый мой, милый!

Потому что профессор тоже хотел делать со мной анал, но я не дала, я сказала: *Даже думать об этом забудь!* Ибо это казалось мерзостью, говном и болью, мерзким извращением, потому что гадко это делать с женщиной, когда нет у тебя любви...

Любая новая мысль проверяется простым и ясным способом: восприняв ее, ты должен построить мир на ее основе, а затем сравнить его с реальным – если оба мира тождественны, то мысль верна.

Мысль: существуют радиоволны.

Мир: человек широко использует радиоприемники.

Ответ: радиоволны существуют.

Мысль: существуют телепатические волны.

Мир: человек широко пользуется телепатией.

Ответ: телепатических волн не существует.

Когда-то мы открыли природу молнии, это была жуткая, фантастическая идея – сам факт электричества. И, тем не менее, даже в тот век мракобесия, даже сами попы стали повсеместно устанавливать громоотводы на шпили своих колоколен. А что произошло с миром, когда открыли ядерную энергию?

Если бы действительно существовала астрология и хиромантия, если бы и вправду было возможным лечить по фотографиям, находить спрятанные трупы, оперировать руками, искать с помощью лозы...

В каждом полицейском участке на службе состоял бы экстрасенс, в правительствах заседали бы хироманты, астрологи и маги, в геологические партии ходили бы неутомимые

лозоходцы, сотни фирм переставляли бы мебель в квартирах по силовым линиям Земли и те-де и те-пе...

Ничего этого не происходит по одной простой причине, а именно: ничего такого нет. Все это плоды мистификаций, жульничества, безумия.

Любая мысль, если она истинна, чрезвычайно быстро находит применение и распространяется в человечестве – и вот уже газовые трубы везут в переплавку, и наши города пылают электричеством, и в каждом доме заводится радиоприемник, и над Японией вырастает семейка ядерных грибов.

Идет какая-нибудь бедняжка к народному целителю, несет свои последние деньги, просит снять с нее сглаз...

Дура, ведь если бы существовала возможность какого-то сглаза, если бы кто-то мог наслать на расстоянии болезнь и несчастье, то мы бы жили в совершенно другом мире – мире, где болеют и умирают злодеи, благополучно самонаказываются преступники.

Сталин вряд ли бы дожил даже до середины тридцатых. Не было бы второй мировой войны. Не случилось бы никаких Ельциных и Гайдаров.

Можно представить себе мир, в котором на самом деле имеют значение молитвы.

Можно представить себе мир, в котором любовь порождает любовь.

Можно представить себе мир, в котором люди понимают и слышат друг друга.

Пришибить хочется эту дуру, чтобы мокрого места от нее не осталось. Как же я ненавижу глупость, эту благообразную голубоглазую глупость.

Ненавижу, ненавижу женщин.

Скорее всего, я ненавижу людей вообще, и жалость к людям, которая периодически на меня находит – есть лишь еще одна форма этой постоянной, глухой, гложущей меня ненависти.

Жалость, сострадание – нехорошие чувства. Они обоюдостро унизительны, что и роднит их с ненавистью. Вообще, любое чувство, возникающее у людей или между людьми – есть вариация или частный случай какого-нибудь другого, более простого чувства, и в конечном итоге все сводится к простейшим *да* или *нет*, к черному или белому, изначальному двоичному коду человеческого существа.

Иногда мне хочется, чтобы это затянувшееся, длиною в целую жизнь, путешествие, закончилось – и чем скорее, тем лучше.

Вот еще один парадокс нашего разума. Мысленным взором человек проник в глубину вещества и в глубину Вселенной, физически вышел, пусть еще робко, в третье измерение, построив свои громоздкие самолеты, батискафы и космические корабли... Несколько рукотворных произведений человека, металлических банок, заполненных неглупой аппаратурой, достигли поверхности других планет, а иные навсегда ушли в галактическое пространство, преодолев притяжение родной звезды...

И все это грандиозно, человек!

Все это было бы грандиозно, если бы не парадоксальное устройство нашего сознания. Достигнув значительной высоты мысли, человек продолжает верить в какие-то неестественные сущности, в жизнь после смерти, в допотопных богов... Самое тут странное в том, что подобными верами наделены не разные, а одни и те же люди – те самые, которые делают ракеты и проникают в глубь вещества. Какой-нибудь математик, постигший гармонию формул... Какой-нибудь жрец космической химии, из ночи в ночь печатающий спектрограмму дальней галактики... Вот он идет из своего института, бросает окурок... И вдруг встал, так как дорогу перебежал черный кот. А в воскресенье он пойдет в церковь. По утрам он задумывается о смысле своего сновидения...

Может быть, причина – в двойственности человека, в самой асимметрии его строения, разнице в функциях полушарий головного мозга?

Вот почему мне кажется, будто время от времени в человека вселяется какой-то другой человек, посторонний, и тогда умный становится идиотом, а добрый становится злым и те-де и те-пе...

Люди не понимают, что нет ничего чудесного, ничего сверхъестественного – нет, и никогда не было, никогда и нигде – ни на Земле, ни какой-нибудь другой планете, и – разумеется – никогда нигде не будет.

Странное что-то со мной приключилось: лежала и задремала на грани яви-сна, и вдруг в голову полезли какие-то мысли, как бы чужие, как бы мысли мужчины, да не просто мужчины, а мысли моего мужа, с его присловьями, словечками – *и те-де и те-не, хохмически...*

Будто и впрямь действительна его пьяная болтовня, когда, чтобы унижить присутствующих дам где-нибудь в гостях, он начинает развивать шутивную, мягко говоря, теорию, суть которой в том, что у женщин вообще нет мозгов...

Интересно, а когда ты избивал меня ногами, ты сделал мне сотрясение – *чего?*

В субботу нас снова пригласили Меньшиковы. Подумала нас и задумалась... Кого это *нас*? Меня и Микрова?

Конечно, с тех пор, как двое становятся мужем и женой, их начинают величать *они*...

В данном случае, это не идет. Есть я и он, Хромова и Микров, и нет никаких *они*.

Нет, не было и никогда не будет.

Позвонив Жану, я страстно попросила – пусть даже его никто не звал – внезапно ворваться к Меньшиковым, которые приходится ему дальними родственниками, и вот, в самом разгаре вечера, раздался неожиданный звонок, а мы сидели с краю, я специально так подгадала, чтобы мы сели с краю – я хотела сама открыть ему, словно князь Мышкин Филипповне, – и звук этот, высокий, зудящий, пронзил меня снизу вверх, выйдя через рот стоном сквозь стиснутые зубы...

– Я открою, открою, – побежала я, и там, с неизменным своим дипломатом в руке, с тросточкой, в которой, я знаю, скрывается устрый острый клинок, стоял он, и сразу, пользуясь зыбкой уединенностью угла, поцеловал меня – крепко и коротко, но все равно – с языком...

Улучшив минуту, он взял меня быстро и нежно, на том же самом месте, под журчание струй. Едва переведя дух, поку-

ривая на кухне, мы снова приветствовали Микрова, что лишний раз доказывает повторяемость, чудесную цикличность событий в этом неуютном мире.

Беседа была полна тайны, значения, глубокого смысла...

Жан рассказал анекдот:

– Муж неожиданно возвращается домой из командировки. Жена дома одна. Она готовит ему ужин, они кушают при свечах, после чего ложатся в постель и занимаются любовью.

Жан замолчал, глубоко затянулся и выпустил дым в форточку, прямо в вечерние звезды... Микров, готовый рассмеяться по первому требованию, преисполнился напряженным, подобострастным вниманием, а я закусывала щеки от смеха, так как Жан уже рассказывал мне этот анекдот. Внизу моего живота тлели мягкие угольки – нежное, несколько минут назад воспринятое тепло... Жан кончил быстро, но и я тоже успела...

– Это все, – сухо сказал он, и профессор, поняв, наконец, что анекдот уже рассказан, засмеялся запоздало и лживо, жирафно...

В этот момент кто-то, сменивший нас в туалете, смачно и откровенно спустил воду.

– Классная музыка, – серьезно пошутил Жан. – Можно, к примеру, спорить о рэпе и диско, но эта музыка – она каждому понятна, и каждый ее любит больше всего.

– А вы, батенька, философ, – с дружеским любопытством

сказал Микров. – Кто вы по гороскопу, если имеете такую склонность к обобщениям? Телец? Овен?

– Гусь, – грустно признался Жан.

– Гусь? – удивился профессор. – Но, позвольте... Гусь, как известно, склонен к импульсивности, яркости чувств и легкомыслию. Я ведь не ошибаюсь, дорогая?

– Да, – сказала *дорогая*, то есть я. – По книге Аполлона Вздоного – все, кто родились под знаком Гуся, достигают наивысшего успеха в искусстве и любви, а отнюдь не в науке, бизнесе, и те-де и те-пе.

Мы оба не удержались и прыснули от смеха, подхихикнул и Микров, наш изысканный жираф.

На кухонном столе лежала газета. Я взяла ее и, открыв астрологический прогноз на следующую неделю, вслух прочитала обо всех нас. Выходило, что Телец внезапно заключит выгодную сделку, которая, впрочем, принесет ему несчастье в будущем; Дева будет приятно удивлена неожиданной встречей с возлюбленным, но вскоре (в этот момент я украдкой взглянула на Жана) она усомниться в предмете своей любви, а Гусь, как всегда, выйдет сухим из воды.

– Так уж и сделку... – пробурчал профессор. – Третий месяц в НИИ зарплату не платят, впору хоть курами торгуЙ.

– Курами? – оживился Жан.

– Курами, курами... – проговорил Микров, и это вышло так смешно, что все мы трое залились громким, каким-то визгливым смехом...

Казалось, что-то случилось в прокуренном воздухе: что-то невидимое, матерчатое, как бы взвилось откуда-то и разом накрыло всех троих, и мне стало страшно: в тот миг я отчетливо поняла, что все мы связаны в зловещий, мучительный, классический любовный треугольник, и вся эта история неспроста, и не может она кончиться просто так...

Я не люблю людей за их жадность, за их маниакальное, фанатическое, прямо-таки религиозное стремление к собственности.

Что человеку на самом деле надо? Пища и вода, потому что, ввиду своего природного несовершенства, человек без топлива просто погибнет. Ему нужны наркотики, такие как алкоголь, кофе, табак и прочие: эти дополнительные вещества хоть и сокращают его жизнь, но вместе с тем – значительно углубляют и облегчают ее. Человеку нужна одежда, чтобы он мог как прикрыть свой срам, так и защититься от холода, поскольку условия жизни на планете, в общем, малопригодны для такого слабого существа. Те же две причины заставляют человека строить жилища. Вот все, что надо человеку для поддержания жизни и ее продления.

Однако, как показывает практика, человек не только не желает обходиться самым простым и разумным, но и вовсе не знает предела своим потребностям. Он стремится иметь вещи, совершенно ему не нужные, стремится иметь деньги – как потенциальную возможность приобретения вещей.

Суть этого стремления заключается в тщетной надежде каждой особи утвердиться среди себе подобных, отделиться от них и над ними возвыситься. Единственный способ достичь этого – постоянное накопление собственности.

Собственностью могут служить не только материальные предметы, но и какие-нибудь свойства: знания, навыки, опыт или впечатления. В разные времена и у разных народов ценностями могли являться сила, ловкость, владение ораторским искусством или искусством любви, но все это в общем виде являлось собственностью, а именно: средством утверждения человека среди людей.

Собственность распространяется также и на самих людей: так, например, одни могут находиться, частично или полностью, в собственности других, причем эти связи между отдельными людьми довольно сложны и с трудом поддаются структурированию. Один и тот же человек может быть как владельцем человеческой собственности, так и ее объектом – муж может владеть женой и одновременно принадлежать своему начальнику, все трое принадлежат президенту страны и так далее. Имеется в виду, конечно, частичное и неявное владение, его сущность заключается в чистых часах жизненного времени, которое один человек забирает у другого в свою пользу. В данном случае, конечно, не имеет значения, является ли тот или иной человек юридическим рабом, подлежит ли купле-продаже, распоряжается ли хозяин его смертью. Важно лишь то, что, освободившись, в основном, от официально узаконенного рабства, люди научились распоряжаться, если не смертью, то жизнью друг друга, в чем по большому счету нет никакой разницы.

Говоря, что он родился под знаком Гуся, Жан думает, что приобрел свойства характера, связанные с этим знаком, и что знак каким-то таинственным образом влияет на него, определяя жизнь и судьбу.

Если бы Жан толком понимал, *что* на самом деле подразумевается под *знаком Гуся*, если бы представлял себе как устроена Вселенная, существующие в ней взаимодействия, то вряд ли бы он вообще придавал какой-то смысл как своему родному знаку, так и астрологии вообще.

Никакой астрологии не существует и – увы – вовсе не может существовать, и это бесспорная истина для того, кто знает, что такое Вселенная, знает ее реальные масштабы.

Если Солнце представить в виде кристаллика сахара, то какой-нибудь Антарес, размером с монетку, придется разместить где-то на расстоянии Москва-Варшава, да и свет идет от него сюда более ста семидесяти лет – о каком тут влиянии звезд можно говорить?

Если же некое влияние все-таки существует, тогда возникает естественный вопрос: а какие силы берут на себя ответственность за него? Гравитационное взаимодействие? Нейтринное излучение? Что-нибудь еще?

Жан родился под знаком Гуся, то есть, в тот период года, когда Солнце находилось в созвездии Гуся. Вряд ли он по-

нимает физический смысл и этого оборота речи.

Жан знает, что Земля вращается вокруг Солнца, поэтому, как ни крути, в разные периоды года, мы будем видеть Солнце на фоне разных созвездий, то есть, на фоне реальных областей пространства, в которых находятся определенные звезды.

Предположим, что какое-то загадочное, еще не известное науке излучение действительно приходит из этих областей. Если оно существует, оно может быть связано исключительно со звездами и межзвездной материей, поскольку кроме звезд, межзвездного газа и пыли, да разве что, еще глобул, в нашей Галактике нет ничего.

Но вся штука в том, что Солнце находится на окраине Галактики, поэтому в разных созвездиях существует разное количество вещества. Так, в созвездии Стрельца расположен центр Галактики и ее большая часть, в сотни раз большая, чем в созвездии Тельца, и в тысячи раз большая, чем в созвездиях Рака, Рыб, и того же Гуся. Следовательно, Скорпион должен быть во сто раз сильнее Тельца, и в тысячу раз сильнее Гуся, чего мы в жизни на самом деле не наблюдаем, следовательно, вся эта астрология – вымысел, жульничество, чушь собачья, и Жан вовсе никакой не Гусь, а просто дурак.

Он вошел в мою жизнь, как шелковая нить входит в игольное ушко: не сразу найдешь дорожку, близоруко щуришься, хмуришься, высунув от усердия язык...

Все время хотелось записать то, что происходило со мной последние месяцы – только не подымалась рука, да и способа не могла придумать, чтобы профессор случайно не нашел. Теперь у меня есть такой способ, И я начинаю вести свой дневник...

6 июня

Свершилось – я полюбила другого!!!

И я начинаю дневник свой вести. Это нелегко, потому что муж может найти. Но и я способ хороший нашла.

Как рассказать?

Я женщина замужняя, с мужем в церкви венчанная. Верность хранить не легко, ещё тяжелее – нарушить верность... За долгие годы я ни разу мужу не изменяла, хотя было много их, мужчин, которые намекали на любовь со мной.

И вот, впервые, я полюбила сама... И не было сил противиться этому чувству.

Он ухаживал за мной. Иногда, вечерами, я выглядывала из окна и видела: стоит его большая белая машина, и он в машине сидит, на мои окна смотрит.

А утром я находила замёрзший букет в талом мартовском снегу...

Он такой же как я, он – мистик!! Он знает о существовании тонкого мира. Такое слово как «Дух» – далеко не пустой для него звук. Мы можем часами разговаривать о «Розе мира», о Блаватской... Счастье то, что он есть и несчастье – то, что я не встретила раньше его.

В семье я не находила понимания. Мой так называемый законный муж – примитивный и грубый материалист. Он не верит в Бога и этим сказано всё!

Я в церковь пошла и молилась там. Я просила Господа: «Господи, дай мне знак!» Но всё молчало вокруг.

Однажды погожим весенним утром я увидела, как солнечный луч из окна коснулся светлого лица Богоматери. Младенец на её руках был в тени, что также имело смысл...

«Это знак!» – сказала себе я.

Тем же вечером, когда я опять увидела его большую белую машину, я выбежала, простоволосая, на улицу, смело распахнула дверь и он увёз меня в ночь...

Его зовут... Нет! Я не назову его имени даже тебе, мой дружеский, мой женский дневник. Он настоящий француз, парижанин, работает в посольстве, с миссией. Он умён и галантен, как настоящий джентельмен. Когда-нибудь он увезёт меня с собой во Францию. Прощай, немытая Россия!

О, это непросто – писать прозой, и не потому, что я отвыкла от клавиатуры: мне, с ранней юности привыкшей к

сладкоголосию стихов, к ритмам и рифмам, к тайным мерцаниям смысла...

Дар поэта – особый дар: поэт и прозаик столь же отличны друг от друга, как адвокат и медик, биолог и астроном. Их семантическая общность лишь кажущаяся: вводит в заблуждение то, что оба работают со словом, но и многие другие специалисты также работают со словом – те же адвокаты и медики, ученые и журналисты... Но разве является художественным произведением какая-нибудь речь в зале суда?

Микров вернулся, в прихожей ступнями гремит... Несколько ловких движений пальцами – и скрыта от нежеланных глаз болью и кровью написанная страница моего дневника.

Вот что неожиданно приходит мне в голову: может быть, я гость на этой холодной Земле, и послана сюда лишь для того, чтобы молча наблюдать за людьми, *созерцать*, но не *действовать* в этом мире?

Сегодня кто-то позвонил в дверь, я пошла, простоволо-
сая, открывать, наверняка уверенная, что это соседка при-
шла за луковицей, но – каково же было мое потрясение – на
пороге с тросточкой, с черным дипломатом, такой же, как в
воскресенье у Меньшиковых – стоял Жан. Я чуть было не
закричала, с головой выдав себя. Я еле удержалась на ногах,
меня шатало, из меня текло. Никогда никакой мужчина не
был мне так глубоко желанен.

Я с ужасом вспомнила, что ела за обедом чеснок, много
чеснока... Я с ужасом подумала, что под левым крылышком
носа притаился у меня невыдавленный прыщик...

Но почему? Зачем он пришел?

Это остается для меня загадкой!

Он пришел не ко мне – к Микрову! Профессор пригласил
его в кабинет, потребовал сварить кофе, и они проговорили
около часа.

Микров пьет из своей любимой чашки, с уродливой гла-
зурью аиста, несущего в клюве гроздь винограда, и я, разлив
кофе, плюнула ему в эту синюю чашку, затем вытащила из
носа козявку и бросила туда еще и козявку, но и этого мне
показалось мало: тогда я погрузила пальцы в вульву и изма-
зала край его чашки соком своим, соком – *вот тебе, вот!*

Соком, который во мне породил другой человек...

Когда, наконец, мужчины вышли (хотя, женщиной, в прямом смысле, я бы предпочла называть лишь одного из них), все оказалось еще загадочнее, чем сначала. Остановившись в прихожей, они как-то странно улыбнулись друг другу, и я хорошо уловила эту улыбку...

– Стало быть, курица не птица, – сказал Жан.

– Не птица, – дурным эхом отозвался Микров.

Жан выразительно посмотрел на меня и вышел. Я влетела в свою кухню и в изнеможении прислонилась к стене.

Я слышала лифт, в котором спускался мой любимый, и словно какая-то упругая нить тянулась между нами, тянулась, натягивалась, пока не разорвалась...

Убирая со стола в кабинете мужа, я бережно взяла чашку Жана, отнесла на кухню – в чашке оставалась жидкая гуща – я опрокинула чашку в блюдо и посмотрела в черном узоре наши пути.

Две дорожки вились, путались, пересекались и сколько-то шли вместе, затем – расходились вновь, чтобы виться, путаться, скрещиваться с другими дорожками... Это и есть наша жизнь – моя и Жана! Слезы навернулись на мои глаза. Внезапно я схватила его чашку и стала ласкать, целовать и облизывать ее. Я обвела языком узкую золотую каемочку, где касались его губы, затем частыми, короткими поцелуями покрыла ручку, где были его пальцы... Я представила, что чашка – это и есть живой настоящий Жан: ноги мои подкосились, мое лоно переполнилось горячей влагой, небывалой

силы оргазм несколько раз встряхнул мое тело, и тут же, как назло, на кухню вошел Микров.

Он вполз неслышно и гадко, словно глиста. Возможно, перед тем он несколько секунд внимательно рассматривал меня.

– Что здесь происходит? Ты рехнулась? Чем это ты здесь занимаешься?

– Мастурбацией, мой дорогой! – зло парировала я.

Микров уставился на меня расширенными зрачками.

– Да, да, да! А что ты прикажешь мне делать, если вот уже... – я принялась демонстративно загибать пальцы. – Вот уже девять с половиной недель ты не обращаешь на меня никакого внимания, будто у тебя перманентные месячные.

– О, Боже! – Микров схватился за голову, – какой же я осел!

– Курица не птица, не птица, – звучало во мне крупными толчками, словно некий рефрен, когда Микров, жарко дыша, имел мою законную плоть.

– Курица не птица, Монголия не заграница, – думала я, уже засыпая, и вдруг, словно молнией вспыхнула полностью вся эта присказка советских инженеров:

– Курица не птица, Монголия не заграница, *баба не человек!*

Вот, оказывается, что имелось в виду... Микров рассказал Жану свою теорию, и слова, произнесенные в прихожей, были именно об этом!

Неужели и Жан заодно с ним? Эта *хохмическая* теория, согласно которой «...мозг женщины физиологически отличается от мозга мужчины, на клеточном уровне, в невидимой глубине своей. Возможно, мозг женщины способен генерировать мысли лишь на мозге мужчины, как на некой матрице, тогда как собственные его способности...»

Жан, разумеется, пошутил, но пошутил в моем присутствии, переглядываясь с моим законным супругом.

Впервые у меня зародилось какое-то сомнение насчет Жана.

Так ли хорошо я знаю его?

Я повернула голову к голому Микрову: он спал. Не надевая халата, голая, вышла я на кухню, разыскала на мойке чашку, из которой пил мой любовник, и выбросила ее в форточку. Далеко внизу послышался жалобный мелодичный звон.

Голова моя кружилась. Мне было тошно, мучительно. И мне почему-то захотелось от лица мужчины заговорить. Вот так:

Я повернул голову к голому Микрову: он спал. Не надевая халата, голый, вышел я на кухню, разыскал на мойке белую чашку с золотой каемочкой, ту самую чашку, из которой пил мой любовник, и выбросил ее в форточку. Далеко внизу послышался жалобный мелодичный звон.

Один человек на свете, *один*. Он рождается *один*, он умирает *один*. Почему же в течение всей своей жизни он должен быть с кем-то *другим*?

Нет, никогда, сколько бы ни было потрачено напрасных сил, *один* не расскажет о себе другому *ничего*.

Никогда *другой* не поймет *одного*.

Я не люблю человека еще и за то, что он не только отделяет себя от животных, но и ставит себя выше их.

– Смотрите, – говорит он. – Вот я – человек, а вот они – животные.

И указывает на коз, лошадей, бабочек, или вот, кстати, на курей.

Он рассуждает примерно так:

– Я мыслю, следовательно, я существую, я строю города, летаю в космос, к тому же, я изобрел науки, искусства, религии, я прикрываю срам, я, блять, нравственный и духовный, а вот они – обезьяны, овцы, улитки безмозглые – они не мыслят, следовательно, не существуют, не строят они города и деревни, не прикрывают они срам, не нравственны они, не моральны и не духовны.

В этой фразе, которую, не задумываясь, произнесет вам любой человек, останови его на улице, ключевым словом, проходящим, однако, как бы между прочим, является слово *срам*.

Именно желание прикрыть срам и отличает человека от животного, а все остальное несущественно.

Если животным нужно строить города, они строят их, причем не менее сложные, чем какой-нибудь Париж или Чикаго, а по относительным размерам – гораздо большие.

Обыкновенный рыжий муравей в четыреста раз меньше человека, но возводит грандиозное сооружение, порядка метра в высоту и полутора в диаметре. Если все это перевести в человеческие масштабы, то мы получим здание полукилометровой высоты, содержащее сложнейшую систему коммуникаций... Впрочем, большинству животных не нужны никакие города.

Вопрос о том, мыслят ли животные, обмениваются ли информацией, до сих пор остается открытым, несмотря на, казалось бы, грамотно поставленные эксперименты. Если, к примеру, продырявить человеку щеку и вставить ему фистулу, то он будет вести себя точно также как и собака Павлова. Во всяком случае, ничто не противоречит версии о том, что животные мыслят, только вот мыслят о чем и мыслят зачем? О чем и зачем мыслит человек, слишком хорошо известно, прежде всего – увы – самому человеку.

Остается только одно – тысячелетнее стремление прикрыть срам, а срам этот заключается именно в том, что человек ничем не отличается от животного. Это и есть его срам – его тайна.

Религия, культура, нравственность, собственно, мышление и язык, – все это есть лишь побочное следствие этого стремления. Отмежеваться от животных, найти, а затем, ужаснувшись, потерять пресловутое «недостающее звено», снова реанимировать религии, уйти в еще большее мракобесие, и все это лишь для того, чтобы подняться над животны-

ми, этими милыми, безобидными созданиями – свиньями, рыбами, курами.

Вот, кстати, о курах. Это животные из класса птиц, который характеризуется наличием крыльев, оперения, двух нижних конечностей, особым, присущим только птицам, строением скелета и головного мозга. Куры произошли от пресмыкающихся и, как сами пресмыкающиеся, они размножаются посредством яиц. Куры, собственно, мало чем отличаются от человека, но человек, убивая их миллионами, попросту их поедая, не признает своего с ними родства, тем самым питая собственную нравственность, то есть, опять же, прикрывая свой срам.

Если же с человека снять его одежду, как сам он ощипывает беззащитную курицу, да поместить его среди курей, коров, каракатиц, то мы увидим, что он ничем уже не отличается от животного. Человек, таким образом – это животное, которое носит одежду, что и есть самое точное и исчерпывающее определение этого существа.

Сегодня я начала писать стихи, о, удивительно, после стольких месяцев молчания и пустоты, белого, убийственно снежного холода листа, где мое тонкое перо, словно путник, замерзающий в степи...

Как это здорово сказано!

Откуда, вообще, берутся во мне эти удивительные слова?

Я – мать ваша, слова мои, я родила вас, как не смогла ребенка родить...

Я и не помню: может быть, больше года ничего не писала, я редактировала, конечно, перепечатывала на компьютере кое-то старое, когда редактор «Глаза» настоятельно потребовал прошлой зимой, но новые тексты упорно не хотели рождаться, и вот теперь, как-то так, вроде как-то случайно и неожиданно, взяла старую тетрадку – просто полистать, всплакнуть над былым, над белым, заперлась в туалете, ручку с собой также взяла на всякий случай – вдруг что поправить, и тут, обвалом, водопадом, снежной лавиной – *тарара тарара тарара тарара...*

Это он, это Жан сделал меня, вытащил из этой гнилой глубокой силосной ямы... *Куда ни гляну, всюду ты – стоишь, трепещешь, пламенеешь, и полудикие мечты тарарара рараеешь...*

Прости, дорогой, но это наивысшее наслаждение моей

жизни, это выше всего, выше самой жизни, выше самого счастья, которое даешь мне ты, и даже выше моей любви к тебе.

22 июня

Сегодня я начала стихи писать. Это удивительно. После стольких лет молчания, пустоты... Мне холодно было. Я как не сама была. Склонялась над листом, перо в чернила опускала. И перо было, словно проходящий в степи...

Я – мать своих слов.

Стихи – это дети мои.

Я не смогла ребёнка от мужа родить.

Я от другого мужчины стихи родила.

Я и не помню, может быть, больше года не писала ничего. Я редактировала, конечно, перепечатывала что-то старое на Компьютере, когда редактор «Глаза» потребовал настоятельно прошлой зимой, но тексты новые не хотели рождаться упорно. И вот теперь, как-то так, вроде как-то неожиданно и случайно, старую тетрадку взяла – полистать просто, над былым всплакнуть, над белым, на кухне закрылась, ручку с собой на всякий случай взяла – вдруг поправить что, и тут, снежной лавиной, водопадом, обвалом, – тарара тарара тарара...

Не люблю людей. Курей люблю, собак, лошадей. Людей не люблю, хотя, как ученый, как биолог, я должен беспристрастно относиться ко всем живым существам. Но я не могу ничего с собой поделаться и люблю: медведей, оленей, зебр, изюбрей, и не люблю: пауков, осьминогов, людей. Уток люблю, журавлей, вообще – птиц люблю как класс. Людей не люблю. Люблю: кошачьих, тигровых, ракообразных. Не люблю приматов как класс. Люблю голубей, оленей, медведей, зебр, цапель, гусей. Особенно люблю курей. Людей не люблю.

Никогда не делай людям добра: не давай людям советов, не устраивай людей на работу, не проси за людей, ни в чем людям не помогай, денег в долг не давай.

Не верь, не бойся, не проси – этот уголовный принцип, пожалуй, распространяется на все человечество. Лучше бы это Христос сказал, а не свое заунывное: *Не пожелай ближнему того, что не же...*

С каждым новым знакомым сразу поставь себя так, чтобы он понял: ты не заступишься за него, ты непустишь его ночевать, ты вообще пальцем о палец для него не ударишь.

И тогда он, возможно, никогда не сделает тебе зла.

29

Москва – это не Россия, это – город предателей, бросивших свои родины.

Провинция – не Россия, но тело без головы, поскольку все самое умное, сильное, талантливое – бросило родины и ушло в Москву.

Где же ты – Родина?

30

Не делай добра – не будешь сукин сын, – народная мудрость гласит...

Чем больше ты будешь делать добра, тем больше накопится на тебя досады и злобы: тебя возненавидят – за то, что не смогут или не захотят отплатить добром за добро. Все, что ты можешь – это только добра *желать*: молча, искренно, тайно...

Ты всюду, куда ни гляну. Ты стоишь отражением в стакане, когда я пью вино, сунув в стакан свой нос. Ты трепещешь в пламени свечи. Ты реешь в облаке. Твой облик встречается в час пик по частям, у прохожих мужчин и женщин, у торговки цветами Твои глаза, у милиционера Твой рот, и рука Твоя указывает с рекламного плаката на меня. Весь день я собираю Тебя по частям, словно puzzle, чтобы ночью рассматривать и любоваться образом Твоим.

С детства хотелось думать, что за гранью реальности есть *нечто*, дающее надежду на лучшую участь, но с каждым шагом познания границы этого *нечто* отодвигались все дальше, пока не уперлись в стену. Порой приходится жалеть, что ты не настолько наивен, чтобы верить в чудеса, что ты слишком хорошо знаешь устройство Вселенной, чтобы верить в Бога. Мир, познаваемый тобой, становится все более материальным, и неизбежное окончание этого процесса – каменный, полностью застывший мир.

И это противно и жалко, и мне бывает нестерпимо жалко себя, в то время как другие, обладающие наивными и чистыми мозгами, живут, как бы тихо напевая себе под нос, живут, как бы с тихой песней собирая puzzle.

А я их всегда разбирал...

В юности я крепко верил в Бога, я носил косынку, чтобы скрыть нательный крестик, вероятно, тогдашняя мода на косынки имела под собой именно эту единственную подоплеку; я разыскал и посетил все храмы Москвы и Подмосковья, что было как своего рода паломничеством, так и элементарной реализацией моего пытливого научного «я»; я молился перед едой и на ночь и, наконец, желая еще больше приблизиться к Богу, желая еще глубже понимать свою веру, я ушел в подробное и доскональное изучение Завета, Ветхого и Но-

вого, и в итоге нашел такое нагромождение несоответствий и нелепостей, такие бесспорные следы работы каких-то творящих вдохновенных разумов, что стало вполне ясно: эта религия была выдумана, выдумана человеком для людей, выдумана с определенными целями, и никакого отношения не имеет, ни, собственно, к Божьему бытию, ни к смыслу бытия человеческого, а занимается не более и не менее, как вопросами человеческого общежития.

И теперь я боюсь прикасаться к чему-либо, словно какой-нибудь царь Мидас, ибо все, к чему бы я ни прикоснулся, неизбежно превращается в истину.

Я прихожу, и он, как всегда, отправляет сестру в кино, вернее, она сама – удивительно чуткая девушка – уходит, как только появляюсь я.

– Пойду опять на «Титаник», в третий раз... Поплачу... – вздыхает она в сладком предвкушении близкой грезы – милая, наивная, юная... Как же они похожи!

И едва за нею хлопает дверь, мы сразу бросаемся друг на друга, всюду раскидывая наши одежды...

Его любовь – удивительное, ни с чем не сравнимое состояние. Почти всегда, как только мы начинаем ее делать, я чувствую, как все мои мысли, одна за другой, прочь улетают из головы. Будто бы лихой бородатый дворник в кожаном фартуке весело работает метлой под крышкой моего черепа, разметая, словно кленовые листья, все, что успело нападать во мне за мучительные дни от встречи до встречи... Такой перевернутый дворник, который метет вверх ногами крышку черепа моего...

Хорошая метафора, надо запомнить, записать...

Мой Жан просто опьяняет меня. Я становлюсь раскованной, свободной, абсолютно бесстыжей. Правда, потом наступает что-то вроде похмелья, даже слегка болит голова...

Сейчас особенно сладко: мы движемся медленно, плавно, наверное, уже больше часа не прекращаем это удивитель-

ное раскачивание, сонным шепотом переговариваясь, нежно споря о том, что бы такое нам сделать еще, и вдруг, коротко посмотрев друг другу в глаза, крепко и часто бьемся, громко крича, и кончаем одновременно – я сжимаю его своими вумами, как раз в тот момент, когда он начинает изливать в меня обильную, горячую любовь.

И сразу наступает похмелье. Я чувствую горький ком в горле, угрызения... Я представляю дохлого, бледнокожего Микрова, его жалкую, словно детский плевок, капельку...

– Какая же я дрянь, – говорю, грызя ногти. – Ведь он меня так любит.

– Но ведь и я тебя люблю, – искренне возмущается Жан.

– К тому же он муж, как ни крути.

– Неужели? – восклицает Жан. – А я? Разве я не хочу стать твоим мужем?

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

– Ты?

– Почему бы и нет? Разве ты откажешь, если я сделаю тебе предложение?

– Предложение? Замужней женщине?

– А что? Детей у вас нет, так что делить особо и нечего. Кто сказал, что брак – это навсегда? Напротив, брак – это временный союз мужчины и женщины, и каждый может...

Но я уже не слышу, что он говорит. Та искра надежды, которая только что блеснула в разговоре, как рыбка на солнце, так же и погасла. Я сижу голая, скорченная, белая – на

постели, грызу ногти и повторяю про себя:

– *Детей у нас нет. Детей нет. Детей.*

О, если бы он знал все до самого конца, какие он тогда нашел бы слова для меня?

Эта женщина меня раздражает, мне ее жалко, иногда кажется, будто я все еще люблю ее, в той, конечно, мере, насколько я вообще способен кого-то любить.

Меня раздражает в ней все, от манеры одеваться – в эти пышные, разноцветные, какие-то китайские тряпки, до ее патологической верности даже, ее неопытности в любви (кроме меня, у нее было порядка двух-трех мужчин, и то – каких-то дрянных и жалких), до ее дурацкого, набожного ко мне отношения, рабской покорности, молчаливости, природной тишины...

Я заметил, что она берет мой лаптоп и что-то кропотливо пишет чуть ли не каждый день. Я поначалу обрадовался, подумав, что она снова начала писать стихи, но как-то раз войдя, увидел издали, что текст на дисплее – проза. С помощью специальной программы «Antler», созданной для любопытных мужей, я проверил винчестер и не нашел ни одного нового файла. Следовательно, она сохраняет свои данные на дискете. Уж не начала ли она вести какой-то тайный дневник?

Намедни я вошел в кухню и увидел, как она... Странное зрелище, омерзительное. Правда, иные мужчины даже и деньги платят за то, чтобы только посмотреть на женскую мастурбацию. Я немедленно отнес ее в постель и исполнил

свой супружеский долг. Последнее время мне все труднее делать это, притворяться желающим и желанным, притворяться мужчиной, или – еще шире – притворяться *человеком*.

Позже, когда моя куколка заснула, я долго думал о предложении, которое сделал мне этот молодой человек, Полянский Жан.

Я познакомился с ним в гостях у Меньшиковых, месяца три назад, а на днях, опять же у Меньшиковых, мы встретились во второй раз. Жан – что за дурацкое имя! – доводится двоюродным племянником Алексашке Меньшикову; он приехал откуда-то с Украины и вполне мог бы считаться бедным родственником, если бы не зарабатывал больше, чем все Меньшиковы вместе взятые. Он снимает квартиру в Медведкове и торгует шмотками на базаре, добывая их в Турции или где-то еще. В прошлой цивилизации его бы называли спекулянтom, барыгой, и место его было бы в тюрьме; Меньшиковы и на порог бы не пустили такого родственника, но времена меняются быстрее, чем меняются люди. Впрочем, и люди меняются. В прошлой цивилизации, если бы кто-то предложил мне подобную сделку, я бы вежливо (или невежливо) выставил его вон. А теперь...

Там, на вечеринке у Меньшиковых, за перекурom на кухне, и возникла эта странная идея насчет курей. Мы договорились встретиться, и Жан приехал ко мне сегодня, и вот я уже в сговоре, я член преступной группы, можно сказать. Правда, я не чувствую себя преступником, и это насторажи-

вает: неужели и я сам изменился за эти годы, как изменилось все вокруг?

Моя лаборатория занимается проблемами роста уже три года, и вот, недавно, мы, наконец, достигли практических результатов: куры, вскормленные Глазурином-Б, приобретают возможность обратного роста, правда, пока всего лишь на один цикл, после чего куры гибнут. До настоящих результатов, возможно, еще далеко, и эксперимент будет считаться удачным лишь в том случае, когда мы сможем вырастить хотя бы одну партию курей туда и обратно несколько раз, что и станет настоящим ключом к бессмертию. Все это дальние, может быть, даже и неосуществимые проекты, пока же мы можем отвечать лишь за то, что партия взрослых курей за несколько месяцев превращается в партию цыплят. Это и стало зацепкой для предприимчивого Жана.

Дело в том, что данный этап эксперимента уже пройден, надо переходить к следующему, но средств нет, и мы, чтобы не потерять в глазах начальства, будем вынуждены и в следующем году проводить один и тот же эксперимент, а именно: покупать на птицеферме партию взрослых курей и, прикармливая их Глазурином-Б, вновь и вновь доводить их до состояния цыплят, которые потом неизбежно погибают, потому что еще не выверен окончательный состав Глазурина-А.

В век всеобщего предпринимательства начальству пришла идея приторговывать этими мутантами, заключив договор с тремя солидными ресторанами на поставку свежих

цыпляют. Я посчитал: сумма, выручаемая на этих сделках – того же порядка, что и зарплата всех сотрудников моей лаборатории, казалось бы, чего тут проще – получили и раздали наличными, но деньги упорно уходят в бюджет института, растворяются в нем, и мы сидим уже без кофе, без шоколада, и я теряю лучших своих людей, что называется *утечкой мозгов*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.